Наше наследие и как его сохранять в условиях инноватики и креативности?

УДК 93/94

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/28-43

гуманитарное знание,
С. М. Широкогорова,
Государственный
дальневосточный
университет,
университет Цинхуа,
«Психоментальный
комплекс тунгусов»

Автор обосновывает необходимость тщательного изучения научного наследия «старой школы» как средства сохранения отечественной научной гуманитарной традиции в условиях агрессивной научно-образовательной политики государства и кризиса гуманитарного знания в современной России. Автор в течение многих лет разыскивает и собирает сочинения Широкогорова, сохраняющие теоретическую значимость, например, труд «Психоментальный комплекс тунгусов», в котором можно обнаружить идеи популярной сегодня нейронауки применительно к этническим проблемам. Задача имплементации идей Широкогорова в современное знание остаётся нерешённой.

Мы подошли к очередной знаменательной дате – вековому юбилею со времени начала исторического образования и науки на Дальнем Востоке России. Нам следует отдать должное подвижникам, которые, казалось бы, в совершенно неблагоприятных условиях лета 1918 г., когда уже начиналась гражданская война, расколовшая страну, смогли проделать необходимую работу по созданию частного историко-филологического факультета во Владивостоке. Событие является знаменательным ещё и потому, что наряду с Восточным институтом это учебное заведение, а также частный юридический факультет стали основой для открытия в марте 1921 г. Государственного дальневосточного университета (ГДУ). К сожалению, в результате первой после утверждения советской власти во Владивостоке реорганизации ГДУ уже в 1923 г. историко-филологический факультет был упразднён. Что ж, уже тогда к гуманитариям здесь было особое отношение. Исследования в данной области, вроде как, должны были проводить сотрудники секции истории Дальневосточного краеведческого научно-исследовательского института. Но затем злая судьба постигла в 1930 г. и сам ГДУ, который был закрыт, на некоторое время восстановлен, а потом в 1939 г. прекратил существование на целых 17 лет. Лишь в 1956 г. ВУЗ был воссоздан, уже как Дальневосточный государственный университет, в котором снова появился историко-филологический факультет. Позднее отделение истории было объединено с отделением правоведения в рамках историко-правового факультета, а затем выделилось как самостоятельный факультет. Казалось, теперь все невзгоды и испытания оставались там, в прошлом [4].

Однако к началу 1990-х для исторической науки в разных её ипостасях уже начинались не лучшие времена. Постмодернистский вызов, поставивший под сомнение науч-

Для цитирования:

Кузнецов А. М. Наше наследие и как его сохранять в условиях инноватики и креативности? // Известия Восточного института. 2018. № 3. С. 28–43. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/28-43

ность исторического знания, идеологизация и прямая фальсификация истории не лучшим образом сказываются на историках и результатах их деятельности. Ситуация в нашей стране была усугублена ещё и «перестройкой», заставившей историков срочно поменять привычный набор цитат из произведений классиков марксизма-ленинизма на цивилизационные и другие «буржуазные» откровения. В таких условиях трудно сохранять необходимый уровень профессионализма и верность своему академическому долгу. Самым надёжным средством не сломаться под такими напорами является следование лучшим традициям, конечно, если таковые у нас есть. Очевидно, что в нашем дальневосточном случае, можно было говорить о формировании с середины 1950-х «советской традиции» исторической науки, так как задел периода гражданской войны должен был быть по идеологическим мотивам вычеркнут из истории науки. Но перестроечный удар по неокрепшей ещё региональной традиции и, может быть, школе, подорвал и её положение. Показательно, как в новых идеологических условиях и стремлении обрести в них своё место, многие наши коллеги лихорадочно стали изучать «белую эмиграцию». Успехом пользовались также другие закрытые в «эпоху господства исторического материализма» темы, та же религиозно-церковная тематика. К сожалению, и эти усилия не помогли вернуть не только дальневосточной, но и исторической науке в целом то значимое положение, которое она имела в советские годы.

Между тем, революция и гражданская война дали нам и уникальный шанс, «забросив» во Владивосток профессуру из ведущих университетов страны и учёных Академии наук. Они попытались реализовать свои знания и опыт в создаваемых новых факультетах, а затем в ГДУ, принеся с собой научные и образовательные традиции, которые могли обеспечить в скором времени молодому университету достойное место в академической системе страны. Но политические потрясения вынудили большинство этих исследователей эмигрировать за рубеж, а оставшиеся зачастую подвергались репрессиям в 1930-е гг. Казалось, почти полувековой разрыв полностью прервал связь между начинаниями на историко-филологическом факультете, в ГДУ и реалиями ДВГУ. Наряду с перестройкой новый виток реорганизации 2012 г. усугубил эту ситуацию. Однако всё же есть возможность восстановить эту «порвавшуюся связь времён», она заключается в освоении и развитии научных идей наших первопроходцев. Следует только учитывать, что, как в нашем конкретном случае, предлагаемая акция должна иметь не только ограниченно цеховое, чисто историографическое или сугубо «местечковое» значение, но представлять интерес для решения общих, самых актуальных проблем настоящего. Поэтому сегодня мы снова с благодарностью вспоминаем и можем заслужено гордиться тем фактом, что в создании историко-филологического факультета во Владивостоке и ГДУ принимал важнейшее участие такой выдающийся учёный, как Сергей Михайлович Широкогоров (1887–1939).

В современной динамичной и слишком плюрализировавшейся науке сформировался негласный критерий, согласно которому, если учёного и его работы вспоминают спустя лет 15 после смерти, то он может считаться заметной фигурой в своей отрасли знаний. Я не знаю другого учёного-гуманитария, связанного с Владивостоком хотя бы и 4 года, наследие которого сохраняло бы свою значимость для современной науки. Переиздания его работ в нашей стране и за рубежом и тот факт, что они остаются предметом серьёзного обсуждения, нагляд-

но свидетельствуют об этом [8; 17; 22; 28]. Причиной такого внимания являются концепции этноса и теория психоментального комплекса, начало которым было положено именно во владивостокский период жизни и творчества Широкогогорова [16; 19; 29]. По ряду причин, в том числе его статуса эмигранта, научное наследие нашего соотечественника было недоступно для советских учёных, о котором, впрочем, не забывали за границей. Поэтому на первых порах нам было необходимо просто найти, собрать и элементарно прочитать основные работы Сергея Михайловича. Однако и это сделать было непросто, так как в поисках его наследия пришлось проехать почти полмира и обращаться за содействием к множеству разных специалистов.

Впервые о С. М. Широкогоrove и его книге «Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений» я, как и большинство специалистов в СССР, узнал из вышедшей в 1973 г. монографии Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография» [2]. Прочитав там, что работа Широкогогорова была опубликована в Шанхае в 1923 г., я был поражён, что она почему-то связана с Дальним Востоком. Но, поскольку этот автор явно был «белоэмигрантом», рассчитывать на то, что удастся узнать подробнее о нём самом, а уж тем более познакомиться с его работой, тогда не приходилось. Но вот случилась перестройка и времена у нас поменялись. К этому времени, видя серьёзные проблемы в археологии с «культурной» интерпретацией её материалов, я решил переключиться на изучение социально-культурной антропологии, так как она в состоянии помочь в восполнении масштабных лакун археологических артефактов. Так пришлось уже основательно обратиться и к теории этноса по работам П. И. Кушнера, С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова. Достаточно неожиданно для меня самого получилось вернуться и к идеям С. М. Широкогогорова.

В 1999 г. наш Дальневосточный государственный университет готовился отмечать 100-летний юбилей со времени основания Восточного института, на базе которого создавался Университет. Коллектив историков под руководством Э. В. Ермаковой по этому случаю подготовил «Историю Дальневосточного университета» [4], а главное сборник документов и материалов по истории университета [6]. К удивлению обнаруживаю там фамилию Широкогогорова. Оказывается, что он был не только председателем Комитета по учреждению частного историко-филологического факультета во Владивостоке, но и председателем Комитета по открытию Государственного дальневосточного университета (ГДУ), т. е. фактически он является одним из основателей нашего университета! Тогда я обратился к профессору Ермаковой с вопросом: откуда получены все эти сведения. Она подсказала, что, оказывается, в нашем Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ) хранился дело, в котором содержатся документы С. М. Широкогогорова, в том числе по прохождению конкурса на должность приват-доцента ГДУ. Мчусь в Архив и получаю это дело, в котором оказались и материалы, раскрывающие обстоятельства вынужденной его эмиграции. Оказывается, они связаны с установлением советской власти во Владивостоке 25 октября 1922 г., когда командированный ГДУ приват-доцент Широкогогоров ещё находился

в Китае, но, тем не менее, был уволен из университета, как не вышедший на работу 26 октября...

На основе собранных в этом Сборнике и Архиве материалов, всё время сокрушаясь, что нет доступа к работам самого Сергея Михайловича, я подготовил доклад о нём и его роли в создании университета на Учёном совете ДВГУ. После этого заседания ко мне подошла наша известная философ Л. И. Чуб и неожиданно сказала: «А у меня есть ксерокопия работы Широкогогорова». Не надеясь особо на удачу, я спросил: «Уж не Этнос ли это»? «Да-да», – подтвердила Людмила Ивановна. Опасаясь разочарования из-за возможного недоразумения, я уточнил: «Работа самого С. М. Широкогогорова». Ответ снова утвердительный и, мало того, мне обещают дать этот текст для изучения. Конечно, я сразу заинтересовался, а как ей удалось найти эту книгу. Оказывается, во время стажировки в Харбине Людмила Ивановна обнаружила там в библиотеке «Этнос...» и, на всякий случай, его скопировала. Вот он, тот самый счастливый случай! Получив заветные листы, я стал жадно их читать, и по мере продвижения к Заключению становилось понятно, что наши современные авторы не смогли так продвинуться в анализе проблемы этноса, как их предшественник, работавший более полувека назад. Начинаю читать второй раз текст и ничего не понимаю. Какие-то иногда банальные, а иногда «заумные» рассуждения и, что же такого я нашёл в нем сначала. Но ведь что-то нашёл! Начинаю читать в третий, а потом и в четвёртый раз – вроде ничего особенного. Берусь снова и в пятый заход вижу, да, эта сравнительно небольшая работа, примерно в 130 страниц, стоит того, чтобы ею серьёзно заниматься! Подвела меня форма изложения, так как сначала «Этнос...» мыслился автором как учебное пособие для студентов. Помогло же то обстоятельство, что я хорошо усвоил системную теорию, которая легла в основу концепции С. М. Широкогогорова. Как теперь понимаю, именно по этой причине те авторы, которые пытались анализировать идеи Широкогогорова вне системного контекста, не смогли понять реального значения этой работы. Кстати, оказалось, что экземпляр «Этноса...» всё же своевременно попал во Владивосток и долгое время находился в библиотеке Общества изучения Амурского края. Затем эта книга была по каким-то причинам передана в библиотеку Дальневосточного филиала АН СССР, а позднее она попала в Институт истории ДВНЦ АН СССР, теперь ДВО РАН, где и должна сейчас находиться.

Очень поддержало также внимание к моим поискам, которое проявил наш известный ученый-химик В. И. Высоцкий. Как-то, встретив меня после выступления на Совете, он сказал: «Я после вашего выступления пересмотрел книгу Л. Н. Гумилева об этносе (вот какие были у нас химики!), а там тоже упоминается Широкогоров. Хорошо, что вы подняли эту тему». Каюсь, недооценивал я тогда наши возможности и поэтому с запозданием обратился в ценнейшую библиотеку Приморского филиала Русского географического общества – Общества изучения Амурского края. Когда я спросил её хранительницу М. М. Щербакову: «Нет ли у вас работ Широкогогорова», – она открыла ящик каталога и сказала: «Да, есть». Это же надо! Здесь наряду с другими уникальными изданиями конца XIX – начала XX вв. были сохранены и первые выпуски Учёных записок историко-филологического факультета во Владивостоке, которые редакци-

Рис. 1.
С.М. Широкогоров.
Китай 1930-е гг.
Источник: архив
автора.

ровал сам С. М. Широкогоров. А там оказались и его «Опыт исследования основ шаманства у тунгусов», и очерк в память академика В. В. Радлова и ещё две работы, включая «Место этнографии среди наук и классификация этносов», из которой потом и появился «Этнос...» [15; 16]. Но все эти публикации долгое время оставались «под спудом», а теперь открывшиеся возможности позволяли начать серьёзное обсуждение идей замечательного учёного. Учитывая все эти обстоятельства, в 2000 г. на базе кафедры социальной и политической антропологии ВИМО АТР ДВГУ была инициирована программа по исследованию жизни и научного наследия нашего замечательного исследователя. В 2001 г. мы совместно с Научно-учебным музеем ДВГУ (директор тогда Б. К. Старостин) уже организовали и провели первую конференцию «Широкогоровские чтения» [23]. В 2001–2002 гг. в Издательстве ДВГУ были переизданы в двух частях работы владивостокского периода С. М. Широкогорова, включая «Этнос...» [19; 20]. Следует сказать, что, несмотря на поддержку ректора ДВГУ В. И. Курилова, пришлось тем

не менее выслушать и немало упрёков по поводу того, что вместо занятия важными современными проблемами или студентами, тратье время на какого-то неизвестного автора прошлого. Да только всё дело в том, что заниматься современными этническими проблемами, не зная теории Широкогорова, так и не получалось!

Теперь, когда стало понятно значение даже русскоязычных работ С. М. Широкогорова для современной науки, захотелось как бы увидеть его самого. Однако нигде не удавалось найти фотографии самого учёного. Обратился к нашим китаистам – как лучше выйти на Китай, где в последние годы жизни работал Сергей Михайлович. Они, услышав про университет Цинхуа, порекомендовали мне написать письмо в Международный отдел этого университета. Послал, жду, и вот приходит заветный конверт из Пекина, а в нём, спасибо большое сотрудникам Отдела, копии фото С. М. Широкогорова и документов о его работе на должности профессора в Цинхуа. Горжусь, что с нашей подачи именно это (Рис. 1) теперь выставлено в Интернете и «гуляет» по разным публикациям.

Вскоре удалось самому выйти на поиски материалов о Широкогорове и за рубежом. Благодаря выигранному нами в ВИМО связанному кредиту Международного банка на развитие политологии, я получил возможность поездок в иностранные университеты. Сначала в ноябре 2001 г. это был департамент политологии

Университета Британской Колумбии (Ванкувер, Канада), в октябре 2002 г. – департамент политологии Университета штата Вашингтон (Сиэтл, США). Наряду с выполнением обязательств по этим стажировкам я ещё проработал в библиотеках англоязычные публикации С. М. Широкогорова, в частности, «Социальную организацию маньчжур» (1924) и «Социальную организацию северных тунгусов» (1929). В апреле 2003 г. я ещё ненароком попал в делегацию Университета, направлявшуюся в Центр изучения проблем безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона (Гонолулу, США). Это была большая удача, так как я смог встретиться там с Патрицией Полански, которая собрала в библиотеке Гавайского университета объёмную коллекцию изданий русской эмиграции, вышедших в Китае. Там были и работы С. М. Широкогорова, в частности, «Христианская миссия и восточные цивилизации» [18]. Так у нас оказалась достаточно полная подборка публикаций С. М. Широкогорова или содержательная информация о них. К сожалению, менее удачной оказалась моя поездка в ноябре 2003 г. во Францию, в Сорбонну, которую так трудно было организовать. А ведь Сергей Широкогоров закончил филологический факультет этого известнейшего университета в 1910 г. Я рассчитывал на помощь этнографа Б. П. Шишло, работавшего в Париже и даже, как он мне написал, купившего у букинистов какие-то рукописи Широкогорова. Так случилось, что Борис Петрович по семейным делам на это время был вынужден уехать из Парижа, а мои «брожения» по Сорбонне IV дали только такой результат: «Это был другой университет, и где искать что-то о студентах начала XX в. – неизвестно».

Подготовленные публикации и другая активность по пропаганде наследия нашего замечательного учёного принесли результаты. Надеюсь, наряду с работами А. М. Решетова наши издания положили начало изменению отношения к С. М. Широкогорову и его идеям [12; 13]. Во всяком случае, вторая конференция «Широкогоровские чтения» проходила в ноябре 2003 г. уже в Москве на базе Института человека РАН [10]. В ней, благодаря организаторским способностям Ю. М. Резника, работавшего в этом Институте, приняли участие такие известные философы, как В. М. Межуев (род. 1933), М. С. Каган (1921–2006) и другие специалисты.

После знакомства с «Этносом...», а затем и с «Опытом исследования основ шаманства у тунгусов», некоторыми англоязычными изданиями стало ясно, что теперь для полного представления о наследии С. М. Широкогорова надо искать вышедшую в 1935 г. на английском языке в Китае, но с выходными данными лондонского издательства работу «Психоментальный комплекс тунгусов» [29]. Этот поиск оказался связан с почти невероятными обстоятельствами, наглядно подтверждающими афоризм: «Дорогу осилит идущий». Сначала мне вроде как снова подвернулся благоприятный случай. На конференции в 1988 г. по случаю открытия в Якутии археологического памятника возрастом примерно в триста тысяч лет Диринг-Юрях я познакомился с тогда директором Арктического института Кэмбриджа Пиэрсом Витебским. Он как раз вернулся из Индии, где занимался изучением шаманов различных общностей этой страны. Понимая, что для оценки вклада С. М. Широкогорова в изучение этой темы, надо более основательно заняться изучением литературы о шаманизме, я подготовился к этой встрече. Тогда же у меня появились и свои работы

Рис. 2.
Л. Р. Концевич.
Источник: [1].

об этом явлении. В одном из писем Витебскому я попросил его узнать: нельзя ли приобрести за рубежом «Психоментальный комплекс тунгусов» или сделать его копию. После этого уважаемый профессор больше не выходил на связь. Новых вариантов решения задачи как-то не предвиделось, но тут снова вмешался «его величество случай». Центр корееведческих исследований ДВГУ проводил в 2001 г. конференцию, в которой участвовал известный исследователь языка и культуры этой страны Л. Р. Концевич (рис. 2). К этому времени я по литературе «влез» в очень любопытный сюжет, связанный с современным шаманизмом в Республике Корея. Достаточно сказать, что к началу 1990-х гг. здесь только в официальном Обществе было зарегистрировано около 40 тыс. человек («мудан»), связанных с этой практикой. Профессор Концевич как раз руководил нашей секцией и, когда объявлял мой доклад, сказал: «Вот теперь все занимаются корейским шаманизмом». Правда, после того, как я закончил выступление, ведущий отреагировал: «Я не думал, что и так можно заниматься этой темой».

По завершении конференции состоялось неформальное заключительное мероприятие. Какие-то дела задержали Льва Рафаиловича, и он оказался не на «генеральском месте», а на нашей «камчатке». Нам удалось пообщаться в непринуждённой обстановке. В своём докладе я, конечно же, говорил о С. М. Широкогоре и значении его исследований. Во время разговора «классик» неожиданно говорит мне: «А вы знаете, у меня есть работа Широкогорова, и я могу подарить

её вашему университету». Подготовленный предыдущим случаем, я с каким-то внутренним трепетом спрашиваю: «А это, случайно, не Психоментальный, ли, комплекс тунгусов?» И какой восторг, когда профессор говорит: «Вот, вот». А дальше последовала загадочная фраза: «Только, пожалуйста, организуйте её самовывоз». Делать нечего – пошёл я институтскому начальству объяснять, что так, мол, и так, есть возможность привезти из Москвы уникальную книгу фактического основателя нашего университета. В ответ услышал: «Совсем с ума сошли! Будем ещё за книгой командировки давать». К счастью, спустя некоторое время пришло приглашение на конференцию в Самару с оплатой расходов за счёт Оргкомитета. Составил маршрут, чтобы попадать в Самару через Москву, а для этого пришлось подготовить доклад «Политическая наука в Приморье». И вот в конце мая 2002 г. лечу в Москву, а оттуда еду поездом в Самару. Там первый раз увидел Волгу и посидел на одной лавочке с Бэллой Ахмадулиной, так как в этом же пансионате происходило какое-то литературное мероприятие. Наконец возвращаюсь в Москву, в Химки на квартиру к Л. Р. Концевичу. Профессор и его супруга приняли меня очень радушно, потчевали разной домашней снедью и интересными разговорами. Но вот Лев Рафаилович поднялся и сказал: «Понимаю, чего вы сейчас больше всего жаднете». Он вышел в свой рабочий кабинет и вернулся с книгой. Я посмотрел на нее и понял, почему так внезапно пропал П. Витебский... Представьте себе фолиант формата А4 и соответствующего объёма, как оказалось, в 450 страниц! Это и был «Psychomental Complex of the Tungus». Я с плохо скрываемым энтузиазмом (со стороны, может быть, показалось с жадностью) принял книгу и, естественно, заинтересовался, как она попала к Льву Рафаиловичу. Тогда он и поведал эту удивительную историю.

Будучи аспирантом, он общался в том числе с известным востоковедом Б. К. Пашковым (1891–1970). Борис Климентьевич после окончания гимназии в Пензе в 1913 г. поступил в Восточный институт во Владивостоке, где изучал сначала монгольский и корейский языки. После окончания Института в 1917 г. Пашков в 1918–1919 гг. ещё прошёл курс на вновь открытом историко-филологическом факультете, на котором преподавал курс «Этнография Сибири» С. М. Широкогорова. Затем в 1923 г. Пашков уехал в Иркутск, а в 1925 г. снова вернулся во Владивосток, где стал заведующим кафедрой уже китайского литературного языка. В 1935 г. он переехал в Москву и стал работать в разных востоковедческих институтах [7]. Вот ещё один очень значимый для нас исследователь! В последние годы жизни Б. К. Пашков жил на даче в Подмоскowie и там случилось несчастье – пожар, в результате которого дача полностью сгорела. Аспирант Концевич вместе с другими отзывчивыми коллегами приехали, чтобы помочь хозяину разобрать пепелище. И вот, как рассказал Лев Рафаилович, он сдвинул какие-то обгоревшие доски, а под ними оказались несколько совершенно не пострадавших книг, в том числе издание Широкогорова. Он показал их Б. К. Пашкову, а тот сказал: «Лёва, вот ты её нашел, значит, так распорядилась судьба, пусть она и будет у тебя». Поэтому, прежде чем окончательно передать мне этот «фолиант», Л. Р. Концевич написал: «Из книг Б. К. Пашкова».

Но это только часть истории. Представьте мой восторг, когда на форзаце книги я увидел ещё посвящение-автограф самого автора «Его

Рис. 3.
Рис. 3 Автограф
С. М. Широко-
горова. Источник:
архив автора.

Высокопреосвященству архиепископу Виктору на добрую память от автора. Пекин 16/29 сент[ября] 1938 г.» (рис. 3).

В результате специально предпринятого поиска удалось установить, что архиепископ Виктор (Святин) (1893–1966) (рис. 4) был последним главой Российской духовной миссии в Китае. Начиная он как офицер белой армии. Отступая с её частями, Святин оказался в 1921 г. в Пекине, где принял постриг. В августе этого же года он стал иеромонахом, а затем по благословению митрополита Иннокентия приехал во Владивосток для обучения на китайско-корейском отделении Восточного института. Осенью 1922 г. в связи с готовившейся сменой власти в Приморье был вынужден снова вернуться в Китай. Наряду с активной церковной деятельностью в этой стране совершил в 1936–1938 гг. поездку в Индию и на Цейлон. С сентября 1938 г. Виктор уже возведён в сан архиепископа. По настоянию японских властей он стал даже главой Анτικοминтерновского союза Северного Китая. После освобождения Китая активно сотрудничал с Московской патриархией. В июле 1950 г. архиепископ Виктор приехал в Москву, где и был в 1961 г. возведён в сан митрополита и возглавил Краснодарскую и Кубанскую епархию [11]. Вот так появилась ещё одна примечательная личность, связанная с С. М. Широкогоровым и нашим университетом!

Новой удачей явилась публикация, подготовленная в 2002 г. в журнале Этнографическое обозрение московским исследователем Д. А. Функом, переводов некролога известного немецкого этно-

лога В. Мюльмана (1904–1988), посвящённого С. М. Широкогорову, и статьи конца 1980-х гг. профессора Кёльнского университета Уллы Йохансен «Влияние Сергея Михайловича Широкогорова на немецкую этнологию» [5]. Эти работы и приведённые Мюльманом письма Широкогорова наглядно продемонстрировали международное признание российского учёного накануне второй мировой войны. А ведь были ещё публикации переводов работ С. М. Широкогорова во Франции. Однако преодолеть различные стереотипы и предвзятость мнений в отношении создателя теории этноса, в частности, что он был «недоучившийся этнограф», «биологизатор проблемы этноса» и т. д., оказалось не так просто.

Показательный в этом отношении казус случился в 2004 г. В этом году в Москве вышло в свет академическое издание «Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века» [3]. О Широкогорове там было лишь сказано: «Попытки превратить в «гения» и в основоположника этнологической теории делаются в отношении С. М. Широкогорова. Здесь также инициатива идет от местного патриотизма – дальневосточные учёные присвоили своим вузам и регулярным научным собраниям имя этого учёного. За ними последовали московские философы «человековеды», организующие на базе Института человека РАН «Широкогоровские чтения». Но, как и в случае с Л. Н. Гумилёвым, российская и мировая профессиональная наука не признали эти авторитеты, если не считать действительно выдающийся труд С. М. Широкогорова по этнографии эвенков» [3, с. 690]. Но надо же так было случиться, что одновременно в издательстве Рутледж вышел также энциклопедический словарь учёных-антропологов французского исследователя Д. Гайяра. Здесь среди нескольких сотен биографических статей были приведены данные всего лишь о 7 (!) российских и советских учёных, в том числе представлен и наш «местечковый» Широкогоров [25]. Мне посчастливилось встретиться с профессором Гайяром в 2008 г. на конференции Европейской ассоциации социальных антропологов в Бристоле (Великобритания). Я поблагодарил его за включение статьи о Сергее Михайловиче, но когда спросил: «Знаете ли вы, что Широкогоров учился в Сорбонне» – в ответ коллега лишь сделал движение, как будто он падает, ошеломлённый этим известием. Вот так мы всё долгое время были осведомлены о жизни и деятельности нашего выдающегося учёного! И это не единичный случай заинтересованного отношения к идеям нашего замечательного соотечественника. Понятно, когда с просьбой предо-

Рис. 4.
Архиепископ
Виктор (Святин).
Источник [11].

ставить материалы о С. М. Широкогорове ко мне обращался известный исследователь шаманизма из США профессор А. Знаменский: в этой области Широкогоров остаётся признанным авторитетом. Но ещё более приятным сюрпризом стало письмо директора Института международных отношений университета Эссекса (Великобритания) Кисс ван дер Пиджла. Оказалось, он тоже понял потенциал теории этноса для анализа международных отношений, но судил о ней только в вариантах Ю. В. Бромлея и Л. Н. Гумилева. Теперь он хотел узнать ещё и концепцию Широкогорова. Мало того, профессор из Великобритании был настолько в этом заинтересован, что он поручил своей аспирантке из Белоруссии сделать перевод моей статьи по этой теме на английский язык; это облегчило мне затем подготовку её публикации за рубежом [26].

Из библиографии работ С. М. Широкогорова, составленной женой и верной спутницей во всех экспедициях исследователя Елизаветой Николаевной, было известно, что несколько его статей были опубликованы до войны в Польше. Но вот как же на них выйти? Снова удача, неожиданно получаю приглашение от известного датского специалиста Оле Грюна выступить с докладом о теории этноса на конференции в сентябре 2007 г. в Лодзи. Так я попал город, который стал местом действия одного из кинопроизведений А. Вайды «Земля обетованная». Здесь я и встретился с профессором университета им. Адама Мицкевича в Познани Анджеем Развадовским, который занимается изучением сибирского шаманизма, и он знал работы Сергея Михайловича по этой теме. Так что мы быстро нашли общий язык, и профессор Анджей обещал и действительно прислал мне копии польских изданий нашего исследователя.

Большим успехом в «возвращении» С. М. Широкогорова в российскую науку стала международная дискуссия о его теории, состоявшаяся благодаря поддержке редакции журнала «Этнографическое обозрение» в 2006 г. Но по-прежнему мы имели очень мало материалов о деятельности Широкогорова в Китае. От А. М. Решетова во время его приезда во Владивосток в 2000 г. на одну из конференций я также узнал, что в Санкт-Петербурге в архиве Академии наук хранятся письма С. М. Широкогорова к этнографу Л. Я. Штернбергу и известному востоковеду В. М. Алексееву. Попастъ в этот Архив в 2007 г. снова помог случай. Неожиданно нас привлекла Приморская епархия на XV Рождественские чтения для обсуждения проблем мигрантов. Я попросил взять мне билет в Москву пораньше и уехал в Санкт-Петербург. Имея в распоряжении всего несколько дней, я бы не сумел обработать нужные мне фонды, но сейчас новая техника позволяет компенсировать дефицит времени, выполняя заказы по копированию документов. Наибольший интерес здесь представляют письма В. М. Алексееву, так как они раскрывали наименее тогда известный китайский период деятельности Широкогорова [14].

Затем нас хорошо выручил выпускник ДВГУ, а сегодня сотрудник Института востоковедения РАН В. Ц. Головачёв. Он помог нам связаться с профессором университета им. Сунь Ятсена Сяо Цзиньюй, которая пригласила меня посетить Китай. В этом Университете С. М. Широкогоров работал с 1928 по 1930 гг., и был шанс найти там какие-то материалы о нём. Осенью 2013 г. лечу, наконец, в Гуанчжоу, где нас радушно приняли. Когда я изложил свою просьбу, профессор

Рис. 5.
Профессор
Фэй Сяотун.
Источник: [27]

Сяо стала наводить справки – и снова удача. Оказалось, что несколько лет назад в этом же Университете работал профессор Лю Сяюю, который исследовал роль С. М. Широкогогорова в развитии антропологии в Китае. В результате, вопреки расхожим мнениям, этот автор очень высоко оценил вклад российского учёного в развитие китайской науки. Благодаря публикациям не только на китайском языке теперь можно много узнать об известном в стране социологе, антропологе и общественно-политическом деятеле Фэй Сяотуне (1910–2005) – ученике С. М. Широкогогорова, который учился в 1933–1935 гг. в университете Цинхуа, где в это время работал российский учёный [9]. Находясь уже на пике известности, Фэй Сяотун (рис. 5) опубликовал два тома работ учителя, переведённых на китайский, и очень тёплые воспоминания о нём.

Неудивительно, что имя С. М. Широкогогорова является своеобразным «пропуском» в мир. Его хорошо знают и ценят специалисты по этнографии, физической антропологии, фольклору и шаманизму. На обращения, связанные с нашим выдающимся исследователем, с готовностью откликались и профессор Михал Хоппал из Будапешта – глава Международного общества академических исследований шаманизма, и известные маньчжуроведы Э. Равски (США), Д. Стари (Италия), этнологи из Германии, включая У. Йохансен, коллеги из Москвы и Санкт-Петербурга. Однако значение идей С. М. Широкогогорова не ограничивается только этим кругом специалистов. Сегодня мы видим активное развитие новой научной обла-

сти, известной как нейронаука (нейроэкономика, нейросоциология и т. д.). В фундаментальной работе 1935 г. «Психоментальный комплекс тунгусов» наш российский исследователь уже дал концептуальное обоснование этого подхода применительно к этническим проблемам. Но это только одна из составных частей его общей теории этноса. На настоящий момент именно в ДВФУ собрана наиболее полная база данных о С. М. Широкогорове и его работах. Теперь перед нами стоит ещё более ответственная задача – имплементировать её для решения современных проблем. Тогда и будет восстановлена в полной мере «прервавшаяся связь времён». Но нам ещё очень важно отыскать и пропавшие в Пекине после смерти Е. Н. Широкогоровой в 1943 г. архив и библиотеку Сергея Михайловича. Ведь там была и законченная рукопись его последней работы «Введение в этнологию. Теория этноса». Боюсь, без неё мы ещё не представляем всё значение его идей...

Литература

1. 17 октября Лев Рафаилович Концевич награжден высокой наградой в области востоковедения [Электронный документ] // Сетевое издание «Интернет-сайт Института востоковедения Российской академии наук». Режим доступа: <https://www.ivgan.ru/nagrady?artid=808> (Дата обращения: 21.08.2018).
2. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. – М.: Наука, 1973. 280 с.
3. Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; сост. Д. Д. Тумаркин; отв. ред. В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин. – М.: Наука. 2004. 716 с.
4. Дальневосточный государственный университет: история и современность. 1899–1999 / Э. В. Ермакова и др. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 704 с.
5. Йохансен У. Влияние Сергея Михайловича Широкогорова на немецкую этнологию // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 139–143.
6. История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899–1939. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 628 с.
7. Концевич Л. Р. Из автобиографии. Несколько слов об обстоятельствах, а также учителях, определивших выбор профессии корееведа и повлиявших на мою судьбу [Электронный документ] // Корё Сарам – Записки о корейцах [сайт] URL: <https://koryo-saram.ru/lev-kontsevich-iz-avtobiografii-neskolko-slov-ob-obstoyatelstvah-a-takzhe-uchitelyah-opredelivshih-moj-vybor-professii-koreeved-i-povliyavshih-na-moyu-sudbu/> (Дата обращения 26.04.2018).
8. Кузнецов А. М. Кто вы, профессор Широкогоров? Или осторожно – фальсификация // Вестник антропологии. 2017. № 4. С. 107–118.
9. Кузнецов А. М. Профессор Ши Луго, Юнаньская экспедиция и некоторые вопросы становления антропологии в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 5. С. 143–153.
10. Личность. Культура. Общество. 2003. Том V. Спец. вып. 1–2.
11. Поздняев Д., Прозорова Г. В. ВИКТОР [Электронный документ] // Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, электронная версия. URL <http://www.pravenc.ru/text/158550.html> (Дата обращения: 18.07.2018).
12. Решетов А. М. Сергей Михайлович Широкогоров. Его жизнь и труды (К 100-летию со дня рождения) // Полевые исследования ГМЭ народов СССР 1985–1987 гг. Тез. докл. науч. сессии. – Л.: ГМЭ народов СССР, 1989. 82 с. С. 25–27.
13. Решетов А. М., Ревуненкова Е. В. Сергей Михайлович Широкогоров // Этнографическое обозрение. 2003. № 3.

С. 100–119.

14. С. М. Широкогоров. Письма к В. М. Алексееву (1927–1932). – М.: Наука; Восточная литература, 2016. 116 с.

15. Широкогоров С. М. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Введение в курс этнографии Дальнего Востока, прочитанный в 1921–1922 году в Дальневосточном государственном университете. – Владивосток: Свободная Россия. 1922. 22 с.

16. Широкогоров С. М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов // Ученые записки историко-филологического факультета Дальневосточного университета. Вып. 1. 1919. С. 47–108.

17. Широкогоров С. М. Социальная организация северных тунгусов. – М.: Наука–Восточная литература, 2017. 710 с.

18. Широкогоров С. М. Христианская миссия и восточные цивилизации // Вестник Азии. 1926. № 53. С. 449–460.

19. Широкогоров С. М. Этнографические исследования Избранные работы и материалы / Сост. и примеч. А. М. Кузнецова, А. М. Решетова. Кн. 1. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 192 с.

20. Широкогоров С. М. Этнографические исследования. В 2 кн. / Редкол.: А. М. Кузнецов (отв. ред.) и др. Кн. 2. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 148 с.

21. Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Известия Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета. Т. LXVII (Schanghai). – Шанхай, 1923. 134 с.

22. Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. – М.: МГУ. 2010. 124 с.

23. Широкогоровские чтения / [ред. кол.: А. М. Кузнецов (отв. ред.) и др.]. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 71 с.

24. Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР: (III Широкогоровские чтения) / [ред. кол.: А. М. Кузнецов (отв. ред.) и др.]. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 342 с.

25. Gaillard G. The Routledge Dictionary of Anthropologists. – L.; NY.: Routledge, 2004. 394 p.

26. K u z n e t s o v A . M . S. M. Shirokogoroff's Theory of ETHNOS // Archaeological Invisibility and Forgotten Knowledge. Conference Proceedings, Łódź, Poland, 5th–7th September 2007 / Edited by Karen Hardy. BAR International Series 2183. 2010. BAR. Pp. 23–32.

27. Mr. Fei Xiaotong Jiang Cun | re-examine the local Chinese survey 80th Anniversary [Электронный документ] // China news [сайт] URL <http://www.chinaisgood.com/wn/57/fjmhefjv.html> (Дата обращения 18.08.2018).

28. Shirokogoroff S. M. Ethnos: An outline of theory. – Peiping: Catholic University Press, 1934. 73 p.

29. Shirokogoroff S. M. Psychomental complex of the Tungus. – L.: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1935. 469 p. (Reprinted in 1982 de AMS Press, New York).

Anatolij M. KUZNETSOV

Ph. D. (in History), Professor, International Relations Department, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
E-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Our heritage and how to preserve it in circumstances of «innovatics» and «creativity»?

UDC 93/94

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/28-43

humanitarian knowledge,

S. M. Shirokogorov,

State Far Eastern

University,

Tsinghua University,

«Psychomental Complex of the Tungus»

The uneasy history of scientific humanitarian knowledge in Russia of the last hundred years (as well as of historical education in the Far East) is viewed through the prism of the history of search and discovery of Sergei Mikhailovich Shirokogorov's heritage. The author justifies the need for a thorough study of the scientific heritage of the «old school» as a means of preserving the national scientific humanitarian tradition in the context of an aggressive scientific educational policy of the state and the crisis of humanitarian knowledge in modern Russia. For many years the author has been looking for and collecting works by Shirokogorov, which still retain their theoretical significance. Among Shirokogorov's studies, a special place is occupied by the work «Psychomental Complex of the Tungus», in which one can find ideas of today's popular neuroscience in relation to ethnic problems. However, the task of the implementation of Shirokogorov's ideas into modern knowledge remains unresolved.

For citation: Kuznetsov A. M. Our heritage and how to preserve it in circumstances of «innovatics» and «creativity»? // Oriental Institute Journal. 2018. № 3. P. 28–41. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/28-43

References

1. 17 oktyabrya Lev Rafailovich Kontsevich nagrazhden vysokoj nagradoy v oblasti vostokovedeniya [EHlektronnyj dokument] // Setevoe izdanie «Internet-sajt Instituta vostokovedeniya Rossijskoj akademii nauk». Rezhim dostupa: <https://www.ivran.ru/nagrady?artid=808> (Data obrashheniya: 21.08.2018).
2. Bromlej YU. V. EHtnos i ehtnografiya. – M.: Nauka, 1973. 280 s.
3. Vydayushhiesya otechestvennye ehtnologi i antropologi KHKH veka / Ros. akad. nauk, In-t ehtnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya ; sost. D. D. Tumarkin; otv. red. V. A. Tishkov, D. D. Tumarkin. – M.: Nauka. 2004. 716 s.
4. Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet: istoriya i sovremennost'. 1899–1999 / EH. V. Ermakova i dr. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1999. 704 s.
5. Jokhansen U. Vliyanie Sergeya Mikhajlovicha SHirokogorova na nemetskuyu ehtnologiyu // EHtnograficheskoe obozrenie. 2002. № 1. S. 139–143.
6. Istoriya Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta v dokumentakh i materialakh. 1899–1939. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1999. 628 s.
7. Kontsevich L. R. Iz avtobiografii. Neskol'ko slov ob obstoyatel'stvakh, a takzhe uchitelyakh, opredelivshikh vybor professii koreevedy i povliyavshikh na moyu sud'bu [EHlektronnyj dokument] // Koryo Saram – Zapiski o korejtsakh [sajt] URL: <https://koryo-saram.ru/lev-kontsevich-iz-avtobiografii-neskolko-slov-ob-obstoyatelstvah-a-takzhe-uchitelyah>

- opredelivshih-moj-vybor-professii-koreevedai-povliyavshih-na-moyu-sudbu/ (Data obrashheniya 26.04.2018).
8. Kuznetsov A. M. Kto vy, professor SHirokogorov? Ili ostorozhno – fal'sifikatsiya // Vestnik antropologii. 2017. № 4. S. 107–118.
9. Kuznetsov A. M. Professor SHi Lugo, YUnan'skaya ehkspeditsiya i nekotorye voprosy stanovleniya antropologii v Kitae // Problemy Dal'nego Vostoka. 2017. № 5. S. 143–153.
10. Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2003. Tom V. Spets. vyp. 1–2.
11. Pozdnyaev D., Prozorova G. V. VIKTOR [EHlektronnyj dokument] // Pravoslavnaya ehntsiklopediya pod redaktsiej Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla, ehlektronnaya versiya. URL <http://www.pravenc.ru/text/158550.html> (Data obrashheniya: 18.07.2018).
12. Reshetov A. M. Sergej Mikhajlovich SHirokogorov. Ego zhizn' i trudy (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya) // Polevye issledovaniya GMEH narodov SSSR 1985–1987 gg. Tez. dokl. nauch. sessii. – L.: GMEH narodov SSSR, 1989. 82 s. S. 25–27.
13. Reshetov A. M., Revunenkova E. V. Sergej Mikhajlovich SHirokogorov // EHtnograficheskoe obozrenie. 2003. № 3. S. 100–119.
14. S. M. SHirokogorov. Pis'ma k V. M. Alekseevu (1927–1932). – M.: Nauka; Vostochnaya literatura, 2016. 116 s.
15. SHirokogorov S. M. Mesto ehtnografii sredi nauk i klassifikatsiya ehtnosov. Vvedenie v kurs ehtnografii Dal'nego Vostoka, pročitannyj v 1921–1922 godu v Dal'nevostochnom gosudarstvennom universitete. – Vladivostok: Svobodnaya Rossiya. 1922. 22 s.
16. SHirokogorov S. M. Opyt issledovaniya osnov shamanstva u tungusov // Uchenye zapiski istoriko-filologicheskogo fakul'teta Dal'nevostochnogo universiteta. Vyp. 1. 1919. S. 47–108.
17. SHirokogorov S. M. Sotsial'naya organizatsiya severnykh tungusov. – M.: Nauka–Vostochnaya literatura, 2017. 710 s.
18. SHirokogorov S. M. KHristianskaya missiya i vostochnye tsivilizatsii // Vestnik Azii. 1926. № 53. S. 449–460.
19. SHirokogorov S. M. EHtnograficheskie issledovaniya Izbrannye raboty i materialy / Sost. i primech. A. M. Kuznetsova, A. M. Reshetova. Kn. 1. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2001. 192 s.
20. SHirokogorov S. M. EHtnograficheskie issledovaniya. V 2 kn. / Redkol.: A. M. Kuznetsov (otv. red.) i dr. Kn. 2. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2002. 148 s.
21. SHirokogorov S. M. EHtnos. Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniya ehtnicheskikh i ehtnograficheskikh yavlenij // Izvestiya Vostochnogo fakul'teta Gosudarstvennogo Dal'nevostochnogo universiteta. T. LXVII (Schanghai). – SHankhaj, 1923. 134 s.
22. SHirokogorov S. M. EHtnos. Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniya ehtnicheskikh i ehtnograficheskikh yavlenij. – M.: MGU. 2010. 124 s.
23. SHirokogorovskie chteniya / [red. kol.: A. M. Kuznetsov (otv. red.) i dr.]. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2001. 71 s.
24. EHtnos i natsiya v usloviyakh globalizatsii: opyt i pretsedenty ATR: (III SHirokogorovskie chteniya) / [red. kol.: A. M. Kuznetsov (otv. red.) i dr.]. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2008. 342 s.
25. Gaillard G. The Routledge Dictionary of Anthropologists. – L.; NY.: Routledge, 2004. 394 p.
26. Kuznetsov A. M. S. M. SHirokogoroff's Theory of ETHNOS // Archaeological Invisibility and Forgotten Knowledge. Conference Proceedings, Łódź, Poland, 5th–7th September 2007 / Edited by Karen Hardy. BAR International Series 2183. 2010. BAR. Rr. 23–32.
27. Mr. Fei Xiaotong Jiang Cun | re-examine the local Chinese survey 80th Anniversary [EHlektronnyj dokument] // China news [sajt] URL <http://www.chinaisgood.com/wn/57/fjmhefjv.html> (Data obrashheniya 18.08.2018).
28. SHirokogoroff S. M. Ethnos: An outline of theory. – Peiping: Catholic University Press, 1934. 73 p.
29. SHirokogoroff S. M. Psychomental complex of the Tungus. – L.: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1935. 469 p. (Reprinted in 1982 de AMS Press, New York).